

The former determines the sphere of knowledge (which traditionally attracts scientists' attention), while the latter is connected with humanity, which is a very many-sided quality and which is implemented both in spiritual and practical life. The humanity is often conferred to a background role and only in religion it becomes a determining quality. **Key words:** spiritual existence, humanity, senses, feelings, religious feeling.

References

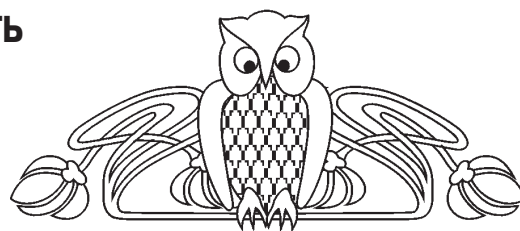
1. Saykina G. K. *Trudno byt chelovekom... Metafizicheskie marchruty cheloveka* (Hard to be a human... Meta-physical routes of human). Kazan, 2012. 428 p.
2. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, 1945. 466 p. (Russ. ed.: Fenomenologiya vospriyatiya. St.-Petersburg, 1999. 606 p.).
3. Glover E. *Freud or Jung*. London, 1950. 207 p. (Russ. ed.: Glover E. Freyd ili Yung. St.-Petersburg, 1999. 202 p.).
4. James W. *The Varieties of Religious Experience. A Study of Human Nature*. New York; London; Bombay, 1902. 596 p. (Russ. ed.: Dzheymys U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. Moskow, 1993. 432 p.).
5. Dugin A. G. *Postphilosophiya. Tri paradigmy v istorii mysli* (Postphilosophy. The three paradigms in the history of thought). Moskow, 2009. 704 p.

УДК 316.772

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИСКУРСИВНАЯ ВЛАСТЬ

Парфенов Александр Игоревич –

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии культуры и культурологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Статья посвящена критике современной концепции «толерантности». Исследуется дискурс о толерантности как средство власти, выявляются негативные последствия идеологии «политкорректности». Идея «толерантности» стала программой, которая агрессивно внедряется в сознание объектов идеологического воздействия с целью уничтожения ментальных основ сопротивления гегемонии западной цивилизационной модели. Концепция толерантности используется как механизм подавления свободомыслия и препятствие развитию критического мышления. В качестве замены традиционной морали «толерантность» способствует деградации человека, вместе с тем не исключается и конструктивный потенциал толерантности.

Ключевые слова: толерантность, политкорректность, идеология, дискурс, гендер, идеология.

Понятие «толерантности» в последние годы прочно вошло в обиход отечественных СМИ, о толерантности как о положительной ценности писали статьи, книги и даже учебники. Политический дискурс становился все более политкорректным, как это принято на Западе, и многие отечественные полемисты были готовы принести в жертву на алтарь толерантности собственные мысли и убеждения. Новое направление в трактовке данного явления, по всей видимости, придаст недавнее послание Президента Федеральному Собранию (2013). Президент говорил о России как о великой стране «с многовековым опытом не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства» [1].

Проект толерантности стал базовым для западной цивилизации (преимущественно для Европы, США и Канады) и был реализован в нескольких направлениях: в политике мультикультурализма (культурной толерантности), политкорректности (толерантности дискурсивных практик) и ЛГБТ-толерирования (равноправия сексуальных меньшинств). На практике толерантность сообразно западной политической стратегии, вопреки декларируемым определениям, заключается в беспрекословном подчинении всякого социума определенным правовым стандартам, в отказе от национальных интересов в угоду идентичности идеальному конструкту – так называемому «мировому сообществу». Можно наряжаться в национальный костюм и петь народные песни, это приветствуется, это «толерантно», возможно, даже суровый сенатор Дж. Маккейн прольет слезу умиления, глядя на кокошник или иной атрибут «русского стиля». Но национальная идентичность допустима только на уровне эстетики, как модно говорить – «этники», в правовых, политических, экономических вопросах все обязаны подчиняться установленным правилам. Данная политика в совокупности с иными формами принуждения в состоянии поставить то или иное государство в условия внешнего управления, но даже такой симбиотический уровень интеграции в «мировое сообщество» вовсе не гарантирует ни повышения уровня жизни, ни уверенности в завтрашнем

дне. Показателен опыт Сербии, принявшей предложенные правила игры, выдавшей Гаагскому трибуналу по бывшей Югославии людей, почтавшихся в народе национальными героями, но, в итоге, все равно потерявшей Косово и Метохию.

Еще в 60-е годы XX века Г. Маркузе писал, что «толерантность», о которой уже тогда говорили на Западе, есть по существу «репрессивная толерантность». Подлинная толерантность, к которой действительно нужно стремиться, невозможна в рамках существующего социального порядка, она возможна лишь в том случае, когда в обществе не существует никаких вызовов и рисков. Если же толерантность превращает человека в неразборчивое существо, неспособное оказать сопротивление злу, то в этом случае толерантность превращается в инструмент сохранения «рабства» [2]. Под «рабовладельцами» в данном контексте следует подразумевать «хозяев дискурса»: это различные международные общественные и политические организации, СМИ и стоящие за ними глобальные финансовые структуры, продуцирующие правила высказывания по любому поводу, определяющие нормы универсальных «прав человека», зачастую без учета региональных, этнических, религиозных особенностей, но всегда в своих интересах. Дискурс позволяет сегодня транснациональным элитам глобализировать свою власть. Как отмечает М. О. Орлов, «дискурсы, действующие в поле культуры глобальной коммуникации, становятся средством манипулирования общественным сознанием, вследствие чего возможна трансформация в заданном направлении правил, ценностей и норм» [3, с. 35].

Дискурс «гуманизма» самым парадоксальным образом подкрепляется сегодня карательными акциями, проводимыми от имени «мирового сообщества». Ради мести мифологизированному «диктатору», персонифицирующему в глазах мировых СМИ зло всего мира, вопреки всем нормам международного права, объявляется допустимой интервенция против целой страны: так было в Ираке и в Ливии: Саддам Хусейн и Муаммар Каддафи – совершенно разные исторические фигуры – в зеркале пропаганды приобретали схожие черты ирреальных персонажей, опереточных злодеев. Их образы были вырваны из реального контекста и помещены в заранее интерпретированный контекст мифа о борьбе сил добра против сил зла. В итоге, каждого, кого пропаганда маркировала «врагом цивилизованного мира» вне зависимости от реальных «заслуг», постигла жестокая смерть. В соответствии с законами PR их смерть была показательна и колоритна, наподобие той, которая постигает в

конце голливудских фильмов «плохих парней». Всякий «враг цивилизованного мира» должен знать: если он не будет толерантен по отношению к тем, на кого ему укажут в государственном департаменте, рано или поздно во имя гуманизма будет жестоко убит, а вместе с ним десятки или сотни тысяч его ни в чем неповинных сограждан. Военная операция в Ираке, например, затеянная ради «гуманной» цели изъятия у «бесчеловечного режима» несуществующего оружия массового поражения, стоила жизни более чем миллиону мирных жителей.

Вместе с тем любая попытка иного государства проводить независимую политику, бороться с незаконными вооруженными формированиями, действовать в соответствии со своими национальными интересами провоцирует истерику в мировых СМИ. Первое из обвинений – «нарушение прав человека», второе, такое же стандартное – применение запрещенного оружия, при этом применялось оно на самом деле или нет – никому не интересно. Для СМИ значительно важнее не объективное освещение событий, а соответствие предписанным дискурсивным трендам.

Всякая попытка воспротивиться стандартам освещения событий, предписанным мировыми СМИ, назвать вещи своими именами грозит обвинением в «нетолерантности» (intolerance), в итоге полемика по любому вопросу вырождается в поочередное высказывание политкорректных фраз и лишается какой бы то ни было продуктивности. Это в лучшем случае, в других – искажается, уродуется национальный язык. Так, за последние годы значительно изменился лексический состав английского языка. В гендерных политкорректных эвфемизмах наблюдается нейтрализация по признаку пола путем ухода от «сексистских» суффиксов -man, -woman, -er и -ess [4, с. 108]. Начиная с середины 1990-х гг., в США и Западной Европе издаются политкорректные переводы Библии, в которых язык оригинала интерпретирован в гендерно-нейтральной политкорректной манере [5, с. 52–55].

Толерантность в том виде, в котором нам ее предлагают различные международные инстанции, в конце концов становится средством деформации личности. Идеальный «толерантный субъект» – это своего рода моральная инфузория, совершенно неспособная противостоять деструктивному влиянию, более того, утратившая способность распознавать таковое, идентифицирующая всякую девиацию в качестве заслуживающей уважения «инаковости». Данный аспект проблемы толерантности хорошо прослеживается на примере личных свобод гражданина, реализуемых в обществе. В частности, толерантным

считается упразднение половых различий (пока на правовом уровне) лиц, вступающих в брак. Попытки в определенном смысле «отменить пол» реализуются повсеместно в «цивилизованном мире». Замена понятий «мать» и «отец» на политкорректные понятия «родитель № 1» и «родитель № 2» – торжество либеральной социальной модели, «устаревшие» понятия отцовства и материнства теряют всякую актуальность, если в брак все чаще вступают лица одного пола. В глазах правозащитников легализация однополых браков – важнейший атрибут толерантности в современном обществе. Прогресс на этом не останавливается, и все чаще звучат призывы к легализации «полиаморных» семей, с неограниченным числом супругов, каждый из которых имеет интимные отношения с каждым другим, независимо от пола, разумеется [6, с. 121–127].

В то же время в обществе победившего либерализма если мужчина относится к женщине именно так, как принято к ней относиться сообразно половой идентичности, оказывает ей знаки внимания, он может быть обвинен в «сексизме», к женщине следует относиться толерантно, как и к мужчине. Толерантность, действительно, ведет к утрате пола, если не в биологическом смысле, то в культурном. Новые поведенческие стандарты прививаются с детства, пример тому – шведская «ген-дискуссия». В стране начался эксперимент по воспитанию детей, которые «сами выбирают свой пол, не подвергаясь давлению извне». Вдохновленные идеей «осознанного выбора пола», шведские последователи американского социолога Дж. Батлер [7], отказались от маркировки половой принадлежности воспитанников. По-шведски «он» – han, «она» – hon, чтобы избежать этих местоимений, воспитатели используют бесполое «гендерно-нейтральное» слово hen, в ноябре 2013 г. неологизм внесли в национальную энциклопедию [8]. Таким образом, вполне официально запущен проект, продуцирующий людей «среднего» пола. Естественно, в таких условиях сильно меняется демографическая ситуация, демографическая активность европейцев постепенно уменьшается, и демографический дефицит восполняется за счет иммигрантов, которые еще не утратили половую идентичность и, соответственно, сохранили навыки воспроизводства. Этот процесс эксперты называют «заменой этносов», и выглядит данный процесс как результат добровольного выбора толерантных европейцев: если они сами решили уйти в историческое небытие, им никто не сможет помешать.

Перекраивание мира, имеющее конечной целью присвоение чужих ресурсов и территорий,

начинается с перепрограммирования мышления: чтобы людьми было легко управлять, надо, чтобы они думали по заранее разработанным схемам. В этом случае их легко будет вывести на какой-нибудь очередной «Майдан» или убедить в «чужовищности» очередного неугодного «цивилизованному миру» руководителя страны, например Б. Асада. Так же продуктивно – убедить управляемую толпу в том, что именно она «прорывается к свету свободы», а если толпу стимулировать материально, то протестная активность возрастает. Идея «толерантности» и стала той программой, которая агрессивно внедряется в сознание объектов идеологического воздействия с целью уничтожения ментальных основ сопротивления гегемонии западной цивилизационной модели.

На Западе дискурс о толерантности первоначально был забавой оторванных от жизни интеллектуалов левого толка, которые попытались противопоставить его дискурсу традиционализма, в итоге власть, которую всегда критиковали левые, взяла концепт толерантности на вооружение. Идеи «диалога с Другим», «децентрации», «дискурсивной критики», выношенные в чреве постструктурализма, фактически уничтожили левое движение на Западе, подменив конструктивную критику существующей экономической системы демагогией о «мультикультурализме» и «выравнивании гендера». Таким образом, «постмодернизм лишь укрепил власть буржуазной элиты» [9]. Выступать с «нетолерантными» заявлениями значит – угрожать власти элиты, давно вышедшей на транснациональный уровень, быть толерантным означает быть конформистом по отношению к ней.

Обратимся к медицинской трактовке толерантности, ведь именно как медицинский (иммунологический) термин это слово проникло в русский язык. Иммунологическая толерантность – явление, противоположное иммунному ответу и иммунологической памяти. Проявляется она в отсутствии специфического продуктивного иммунного ответа организма на антиген в связи с неспособностью его распознавания. Проще говоря, организм толерантен, если у него отсутствует иммунитет – здоровая сопротивляемость и способность подавлять чужие, несвойственные здоровому организму молекулярные соединения. Следует отметить, что медицинские технологии трансплантации органов предполагают искусственное подавление иммунной реакции организма химическими и биологическими иммунодепрессантами. Связано это с тем, что «причиной отторжения являются иммунологические реакции, поэтому

для успешного приживания чужих органов необходимо подавить эти реакции» [10, с. 6].

Когда в социальную ткань нашего общества пытаются внедрить несвойственные ему культурные практики или правовые нормы, аналогичным образом подавляется реакция сопротивления социального организма. Чтобы общество не отторгло противоестественные новации, его подвергают своего рода «иммуно-супрессивной терапии», доводя его до состояния толерантности. Последствием подобной терапии для пациента может стать вторичный иммунодефицит, в обществе аналогичным образом излишняя толерантность ведет к утрате способности противостоять агрессии и вообще адекватно реагировать на реальность. Толерантное общество можно также сравнить с больным организмом, находящимся под воздействием сильных обезболивающих препаратов, которые подавляют болевые ощущения, но не лечат болезнь, а вызывают побочные эффекты, не менее опасные, чем сама болезнь. В итоге состояние «больного» (общества) только ухудшается. Постоянные разговоры о «толерантности» маскируют реальное положение вещей, в результате негативный потенциал социальных конфликтов накапливается и грозит социальным взрывом. Избыточно толерантное общество оказывается идеальной средой для заразы преступности и терроризма, вопреки тому, что апологеты толерантности искренне полагают ее панацеей от всякого рода экстремизма и деструктивного поведения. Борьба за социальное здоровье обрывается в свою противоположность.

Ярко выраженным примером идеологических инъекций, подавляющем в ребенке иммунитет к разного рода девиациям и формам насилия, стали так называемые «уроки толерантности». В США и Европе изначальной целью данных уроков было пресловутое «выравнивание гендера», на педагогов возлагается обязанность всячески пресекать естественные наклонности школьников и прививать им толерантность, выражающуюся в отсутствии различия «мужского» или «женского» поведения. В российских школах также проводятся «уроки толерантности», но они имеют несколько иные задачи – сглаживание проблем, возникающих в сфере межнациональных отношений. Однако следует помнить, что знаменитый террорист А. Брейвик появился в едва ли не самой толерантной стране Евросоюза – Норвегии и наверняка, обучаясь в школе, посещал «уроки толерантности».

Необходимо чувство меры, не нужно отвергать толерантность как таковую, но надо

помнить, что даже хорошее лекарство, принятое в чрезмерной дозе, становится ядом. Не следует превращать толерантность в своего рода социальный вирус иммунодефицита человека. Социальная реальность показывает, что толерантность фактически исключает пассионарность как этноса, так и отдельно взятой личности, снижает витальность, «демаскулинизирует», в каком-то смысле «стерилизует» общество, т.е. нивелирует мужское начало в практиках общения, признавая таковое «некорректным», несущим угрозу дискриминации по половому признаку. В такой ситуации опасность, которую представляет собой для общества деструктивный «нетолерантный» субъект, значительно возрастает.

В русском языке существует прекрасное слово «уважение»: действительно, к представителям той или иной национальности, религии, социальной группы следует относиться с уважением, это неизбежное условие нормальной жизни общества. Понятие уважения не тождественно понятию «толерантность», которое слишком перегружено идеологическими, медицинскими и прочими коннотациями. Вместе с тем понятие уважения, сохраняя весь конструктивный потенциал понятия толерантности, не привязывает нас к иноязычной понятийной системе, не делает нас рабами чужого дискурса.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года, Москва, Кремль. URL: <http://krem-lin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 17.03.2013).
2. Маркузе Г. Критическая теория общества : Избранные работы по философии и социальной критике. М., 2011. 382 с.
3. Орлов М. О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов : социально-политическая сфера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 34–40.
4. Бродский М. Ю. Политический дискурс и перевод // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 103–111.
5. Хухуни Г. Т., Осипова А. А. «Обновление» переводов Священного Писания : причины и следствия // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2012. № 4. С. 51–56. URL: <http://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 17.03.2014).
6. Клессе К. Понятия любви в полиамории : составляющие дискурса о множественных любовных отношениях. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 120–126.
7. Наумова Е. Проект новой гендерной антропологии Джудит Батлер // Гендерные исследования. 2009. № 19. С. 231–239.

8. Swedish gender-neutral pronoun, «Hen», added to country's National Encyclopedia. URL: http://www.huffingtonpost.com/2013/04/11/swedish-gender-neutral-pronoun-hen-national-encyclopedia_n_3063293.html (дата обращения: 17.03.2013).
9. Роос Ж. Фуко и революционная самокастрация левых. URL: <http://liva.com.ua/foucault-chomsky.html> (дата обращения: 17.03.2013).
10. Будчанов Ю. И. Трансплантационная иммунология. Тверь, 2012. 36 с.

Tolerance and Discursive Power

A. I. Parfenov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: anteater1@yandex.ru

The article is devoted to criticism of the modern concept of tolerance. We study the discourse of tolerance as a means of power, revealed negative effects of «political correctness». The idea of «tolerance» has become a program that is being implemented aggressively in the consciousness of objects of ideological influence to destroy the foundations of mental resistance to the hegemony of the western model of civilization. Concept of tolerance is used as a mechanism of suppression of freedom of thought and obstacle to the development of critical thinking. As a replacement for traditional morality, tolerance promotes human degradation. However, the author does not preclude constructive potential of tolerance.

Key words: tolerance, political correctness, ideology, discourse, gender, ideology.

References

1. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu 12 dekabrya 2013 goda, Moskva, Kreml* (Address of President to the Federal Assembly. December 12, 2013. The Kremlin, Moscow). Available at: <http://kremlin.ru/transcripts/19825> (accessed 17 March 2013).
2. Marcuse H. *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Isbrannye raboty po filosofii i sotsialnoy kritike* (Critical theory of society: Selected works on philosophy and social criticism). Moscow, 2011. 382 p.
3. Orlov M. O. Diskursivnoe upravlenie sotsialnoy dinamikoj globalnykh processov: sotsialno-politicheskaya sfera (Discursive control over the dynamics of global processes: socio-political sphere). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 34–40.
4. Brodsky M. U. Politicheskij discours i perevod (Political discourse and translation). *Polilicheskaya lingvistika* (Political Linguistics Journal), 2011, no. 1 (35), pp. 103–111.
5. Khukhuni G. T., Osipova A. A. «Obnovlenie» perevodov Svyashchennogo Pisanija: prichiny i sledstvia («Update» translation of Scripture: causes and effects). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Lingvistika* (Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. Linguistics), 2012, no. 4, pp. 51–56. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/234> (accessed 17 March 2014).
6. Klesse K. Poniatya lyubvi v poliamorii: sostavlyayushchie discoursa o mnozhestvennykh ljubovnykh otноsheniyakh. Resume (Concept of love in polyamory: constituting the discourse on multiple romantic relationships. Summary). *Laboratorium. Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* (Laboratorium: Russian Review of Social Research), 2011, no. 2, pp. 120–126.
7. Naumova E. Proekt novoy gendernoy antropologii Judith Butler (Project of new gender anthropology of Judith Butler). *Gendernye issledovania* (Gender studies), 2009, no. 19, pp. 231–239.
8. Swedish gender-neutral pronoun, «Hen», added to country's National Encyclopedia. Available at: http://www.huffingtonpost.com/2013/04/11/swedish-gender-neutral-pronoun-hen-national-encyclopedia_n_3063293.html (accessed 17 March 2013).
9. Roos J. *Foucault i revolucionnaya samokastratsiya levyykh* (Foucault and revolutionary self-castration). Available at: <http://liva.com.ua/foucault-chomsky.html> (accessed 17 March 2013).
10. Budchanov U. I. *Transplantatsionnaya immunologiya* (Transplantation immunology). Tver, 2012. 36 p.